

Р29064

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

ОГИЗ . ГОСЛИТИЗДАТ • 1942

КНИГА
В СОХРАНЕНИИ

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

ПО ЗАПИСКАМ
ДЕ-ЛА-ФЛИЗА И ЛОЖЬЕ

Составил С. Я. Штрайх

29064

ОГИЗ 1942
Государственное издательство
художественной литературы
Свердловск

9(44) 9(44)+92 Чашинский
Ш 93

Редактор А. Мясников.

*

Подписано к печ. 2/II 1942 г.

А-65184. Тираж 25000 экз.

3, печ. л. Цена 30 к. Зак. 264

*

Тип. изд-ва «Уральский
рабочий», Свердловск,
ул. Ленина, 47.

Захват территории почти всей Западной Европы вскружил Наполеону голову, и он считал, что действительно призван стать владыкой мира. Для осуществления этого ему оставалось только покорить две державы — Англию и Россию.

Попытки горделивого завоевателя подчинить всю государственную политику нашего отечества своим империалистическим интересам ему не удавались. Наполеон решил силой заставить Россию выполнять его волю. Считаясь все-таки с огромными размерами нашей страны и с многочисленным составом ее населения, он долго и тщательно готовился к войне с Россией. С внешней стороны Наполеон продолжал сохранять с русским правительством добрые отношения. Когда же он собрал огромную по тому времени, полумиллионную армию, то перешел нашу границу.

Завоеватель Западной Европы рассчитывал коротким ударом уничтожить русскую армию и заставить русское правительство принять все его условия. „Великая“ армия Наполеона была составлена из представителей всех покоренных им народов. В рядах этой армии было много людей, сражавшихся на стороне врага нашей родины не

за страх, а за совесть. Эти люди были восторженными поклонниками завоевателя. Они были увлечены его первоначальными успехами и считали, что он самой судьбой предназначен властвовать не только над Западной Европой, но и над нашим Отечеством.

Разочарование пришло раньше, чем этого могли ожидать участники похода Наполеона в Россию. Оно пришло помимо их воли. Рассказы об этом имеются в многочисленных воспоминаниях и записках участников похода „великой“ армии в Россию и представляют большой исторический интерес, как свидетельство величия духа, горячего патриотизма и боевой мощи народов нашей страны. Среди этих свидетельств значительную ценность имеют дневники двух рядовых участников войны 1812 года — врача наполеоновской гвардии Де-ла-Флиза и офицера итальянского отряда так называемой великой наполеоновской армии Цезаря Ложье.

По своему служебному положению Де-ла-Флиз находился вблизи Наполеона. Поэтому он мог записать в своем дневнике много любопытных сцен и эпизодов из жизни завоевателя Западной Европы. Сам Де-ла-Флиз при бегстве кичливого завоевателя из России был взят в плен нашими казаками. В начале 1815 года он собирался вернуться на родину, но окончательное поражение Наполеона заставило его отказаться от выезда из России. Он остался здесь врачом и умер в г. Нежине в 1861 году.

Дневник Де-ла-Флиза был впервые опубликован, в переводе с французского, в журнале „Русская старина“ за 1891—1892 годы. В столетнюю годовщину Отечественной войны этот дневник

был выпущен отдельной книгой несколькими издательствами. Приводимые здесь выдержки взяты из книги: Де-ла-Флизи, „Поход Наполеона в Россию в 1812 году“. М., 1912, изд. „Образование“.

Итальянский офицер Цезарь Ложье по своему служебному положению был одним из многих десятков тысяч рядовых участников войны. Он не мог, подобно Де-ла-Флизу, слышать личные высказывания Наполеона или его приближенных. Он даже видел своего кумира довольно редко и только издали. Но зато в его свидетельствах слышен голос той ослепленной массы, которая прозрела под влиянием собственных страданий, пришла к сознанию истины путем своего унижения и позора. Дневник Ложье — это простой, искренний рассказ человека, не мудрствующего лукаво, рассказ, дышащий неподдельной любовью к правде. Он был впервые издан свыше ста лет тому назад в многотомном сборнике, затем отдельной книгой к столетию похода Наполеона в Россию. Тогда же он был издан в русском переводе. Приведенные здесь выдержки взяты из книги „Цезарь Ложье. Дневник офицера великой армии в 1812 году“. М., 1912, изд. „Задруга“.

„Тринадцать дней на биваке в Гольдберге — и все еще не знаем цели, к которой нас направляют, — записывает Ложье в городке прусской Силезии под 30 апреля 1812 года. — Поживем — увидим!“

„Прибыли в Плоцк, на правом берегу Вислы“, — отмечает он 31 мая.

„Прибыли в Кальварию, — читаем в дневнике под 24 июня. — Никто не сомневался более в

войне, но никакого официального приказа нам еще не было объявлено. Мы провели ночь в Кальварии, а на утро нам был прочитан приказ: „Солдаты! Россия увлекаема роком, ее судьбы должны совершиться. Неужели она думает, что мы выродились? Идем вперед, перейдем Неман и внесем войну на ее территорию“. Как описать впечатление, произведенное на нас словами нашего вождя?— добавляет Ложье.— Горделивый трепет волнует нас. Скольким победам предшествовали подобные воззвания! Нельзя сомневаться, что и нынешнее воззвание окажется таким же пророческим.

Еще не будучи осведомлены о войне с Россией, мы думали, что цель нашего путешествия — поход в Азию! Теперь наше предположение приняло вид вероятия. Если покорена Россия, то тем самым открыто уязвимое место Англии... Мы видим перед собою всеобщий мир, покорение вселенной, богатые славные награды, чудесную, героическую славу...“

Не успели высохнуть чернила, которыми записаны эти мысли, как скромный офицер отмечает 1 июля на правом берегу Немана: „К утру забрезжила бледная заря. Окоченелые, промокшие до костей, полусонные, измученные, мы похожи на призраки или на потерпевших кораблекрушение. Недостаток съестных припасов отягчает положение... Мы не находим тут ни жителей, ни одной головы скота. Дома покинуты хозяевами; из них унесено все ценное; сверх того, они были разграблены войсками, прошедшими уже раньше. Эта пустыня подавляет нас“.

Еще тоскливее запись первых дней июля в лагере в Новых Троках: „Провиант наших людей

истощился за последние дни, и они делают большие переходы, не получая ни крошки хлеба; поэтому часто раздаются жалобы. Солдаты видят, что обозов все еще нет, и тайком от офицеров направляются в глубь страны в поиски за пищей... Но — увы! Ничего нельзя найти“.

Дальше — хуже.

„Пришлось бросать в лесу отстающих больных солдат, истощенных дизентерией; пришлось бросать тех, которые заблудились, отбившись от своей части. Легко себе представить, что с ними будет: помощи ждать им неоткуда“ (15 июля).

Еще только вошли в Россию, а уже начался разлад в разноплеменной „великой“ армии Наполеона. „В Докшицах удалось найти запас сухарей... французы, явившись первыми, завладели всем запасом. За ними пришли итальянцы и стали требовать свою долю. Они разделяли с другими опасности и страдания и умирали от голода; права были равны. Генерал явился к принцу Евгению, чтобы добиться осуществления этого права. Но принц возразил, что тут право захвата, право первого взявшего“ (19 июля).

Не мудрствующий Ложье еще слепо верит в „гений“ Наполеона. Под 27 июля итальянский лейтенант заносит в свой дневник: „Он уверен, что победит, и — кто знает — не надеется ли он одним ударом решить судьбу России? Разве не так оканчивал он все свои войны? Разве не подчинил он своей власти всех своих врагов?“

Человек мыслящий и наблюдательный, Де-ла-Флиз понял безумие затеи Наполеона очень скоро после его вторжения в Россию. Уже в записи от 28 июля 1812 года он отмечает ненадеж-

ность наполеоновской армии, составленной из покоренных народов Западной Европы.

„Выступили в поход (к Витебску) до восхода солнца, — пишет он. — Повстречались с длинными вереницами прусской артиллерии, принадлежащей тому корпусу, который король Фридрих-Вильгельм III отдал в распоряжение Наполеону. При виде этих пушек, прежде направленных против нас, нельзя было не подивиться такому повороту политики, который заставил их теперь идти с нами. Однако, судя по угрюмым лицам и молчаливости пруссаков, надо было заключить, что они не добровольно оказывали нам свое содействие“. „И они доказали это вскоре на самом деле“, — пояснил эту запись Де-ла-Флиз впоследствии.

„Сосредоточение почти всех корпусов армии доказывало, что мы находились в виду неприятеля и точно ждали решительного дела. Император по несколько раз выходил из палатки с зрительной трубой в руке и, опираясь на плечо офицера или солдата, рассматривал Витебск с его окрестными холмами. За городом виднелась обширная возвышенная равнина, на которой маневрировали русские кавалерийские и пехотные войска. Говорят, будто Наполеон, глядя на них, сказал:

— Завтра они будут наши.

Каждому полку прочитано было следующее воззвание: „Солдаты! Настал, наконец, желанный день. Завтра дадим сражение, которого давно ждали. Надобно покончить этот поход одним громовым ударом! Вспомните, солдаты, ваши победы... Завтра неприятель узнает, что мы не выродились“.

Армия с восторгом выслушала это воззвание, будучи уверена в победе; надеялись, что этим

делом кончится война, к тому же всех утомил этот продолжительный поход“.

„Лишь только занялась заря,— пишет там же Де-ла-Флиз,— как все глаза устремились туда, где накануне маневрировала неприятельская армия; но вся эта равнина представлялась пустою, и, когда солнце взошло, оказалось, что действительно русская армия исчезла... Наполеона просто привело в ярость известие о ночном отступлении неприятельской армии, тогда как он ждал от нее сражения“. Но по соображениям стратегическим русское командование уклонилось от решительного сражения в условиях, выгодных вторгшемуся врагу.

Под тем же 28 июля читаем в дневнике Ложье: „Как только занявшаяся заря расчистила горизонт, мы все, точно по общему соглашению, не говоря ни слова, устремляем взгляд на расстилающуюся перед нами громадную равнину, вчера еще усеянную врагами, на которых нам так хотелось напасть. Сегодня она лежит перед нами пустынная, покинутая. Неприятель не только исчез; неизвестно даже, по какой дороге он пошел. Мюрат первый переправляется через Лучесу, за ним идет сначала итальянская армия, потом и все войско; он отправляет во всех направлениях отряды, чтобы обыскать всю местность и найти след русских,— но бесполезно! Невозможно даже получить какие-нибудь указания от жителей, так как все ушли. Мы находимся в полной неизвестности относительно того, что происходит вокруг нас“.

В Сураже Ложье записывает в начале августа: „Верные своей системе, русские и здесь (как и везде, где успели) сожгли свои магазины, рас-

сыпали зерно и уничтожили все, что не могли захватить. Отдельным отрядам приходится для поддержки своего существования прибегать к собственным средствам: они делают набеги, которые в результате только подрывают основы дисциплины, разоряют население и озлобляют его против нас.

Армия уже уменьшилась на треть со времени перехода через Неман. Многие солдаты, под влиянием голода, отделялись от армии, отыскивая пищу, и были убиты на флангах; другие заперлись в покинутых господских домах, где нашли достаточно припасов, чтобы жить в довольстве, выбрали себе начальника и охраняют себя по-военному, не помышляя об армии, к которой принадлежат. Считите еще больных, отсталых, мертвых и раненых, и вы представите уменьшение наличного состава армии“.

„Погода прояснилась, — читаем у Де-ла-Флиза в записи, сделанной 10 августа в Витебске.— На параде, перед тем как нам уходить, император обратился к группе офицеров и начальников наших с такими словами:

— Господа, служба у вас идет плохо: у вас слишком много отсталых. Офицеры останавливаются на походе... Солдаты нарушают дисциплину; под предлогом искания припасов не возвращаются к своим корпусам и бродят в беспорядке... Наличный состав войска такой, каким он мог бы оказаться после сражения, тогда как мы еще не видали неприятеля“.

„Каждый день,—продолжает автор эту запись,— нам приходится бороться со всевозможными затруднениями, испытывать усталость, превосходящую силы человеческие, оставаться каждый

день голодными... Придет солдат усталый и голодный в местность, где нет припасов—как ему запретить идти на поиски пищи?.. Наконец, постоянное отступление русских должно же надомнить нас, что этим нам готовят очевидную гибель, заманивая нас все глубже в страну... Итак, не взирая на гений свой, Наполеон обманут незнанием того края, куда он перенес войну. Многие его генералы не больше его сведущи“.

„Я воротился в Витебск довольно рано, — записано у Де-ла-Флиза в дневнике под 12-м августа.— Каково же было мое удивление, когда я не застал армии, которая успела уже выступить в поход... Мы тотчас же отправились в путь, хотя и не знали, в какую сторону направилась армия... Пройдя несколько верст по этому пути, — я ехал шагом, не торопясь, — я услышал за поворотом дороги лошадиный топот; но не успел я поворотить туда, как вижу — навстречу мне скачет во весь дух какой-то офицер. Кто же это был? Император Наполеон. Я едва успел посторониться и приложить руку к шляпе, как он уж пролетел, точно молния, — конечно, и не взглянув на меня... Я не понимал, что значило это возвращение вспять. Вскоре потом я встретил конных гренадер гвардии, егерей, пехоту и наш полк. Я узнал, что та большая дорога, на которую было выступили, вела в Петербург, но когда через посланных курьеров стало известно, что на этой дороге расположился с армиею князь Багратион, Наполеон не намерен был его атаковать и приказал отступить к Витебску“.

Ложье пишет о страхе наполеоновских солдат „перед мстящими крестьянами“, о покинутых

жителями и разоренных ими деревушках. „Отставшие, отбившиеся от разных корпусов, солдаты соединяются вместе и затем начинают заводить между собой ссоры. Они по большей части из корпусов, шедших впереди; следующие отряды нисколько о них не заботятся; таким образом они остаются от всех оторванными и делают, что хотят“ (15 августа).

„Едва завидели мы издали Оршу, — записывает Де-ла-Флиз, — как в то же время увидели ее в пламени. На близком от нее расстоянии ветер гнал нам дым прямо в лицо, так что мы взяли в сторону и расположились биваками в отдаленной от пожара части города“ (14 августа).

„Пройти по улицам было дело нелегкое, так как все они были в огне. Я чуть было не погиб в одной из них, но спасся только благодаря сквозному ходу в одном доме, который и вывел меня в безопасную улицу. Место, которое должно было служить мне и товарищам моим перевязочным пунктом, находилось на одном углу городских стен, против груды обрушившихся частей их. Сквозь амбразуры стен виднелись предместья Смоленска, лежавшие за Днепром и еще занятые русскими, которые стреляли в наших солдат, когда эти приходили к реке поить лошадей“ (Де-ла-Флиз, Смоленск, 17 августа).

„Единственными свидетелями нашего вступления в опустошенный Смоленск являются дымящиеся развалины домов и лежащие вперемежку трупы своих и врагов“ (Ложье, 18 августа).

„В городе ничего нельзя было достать, все сгорело. В некоторых улицах, не тронутых огнем, остались ряды лавок, даже с товарами, но эти товары — вроде посуды, зеркал, хрусталя — были

нам бесполезны; а все, что могло бы пригодиться солдату в походе, было уничтожено заранее. Такое-то зрелище представлял Смоленск“ (*Де-ла-Флиз*, 20 августа).

„Потушенный теперь пожар истребил половину зданий — базар, магазины, большую часть домов, так что почти ничего нельзя найти... Что касается военной добычи, то она сводится к нескольким плохим железным пушкам. И вот среди этих груд пепла и трупов мы готовимся провести ночь с 19-го на 20-е“ (*Ложье*, 19 августа).

„Мы вышли из Смоленска, и я поспешил присоединиться к своему полку, какой я догнал только в Пневе, городишке, объятom пламенем, из которого жители были выгнаны русскими. Опасно было проникать в город, так как в узких улицах, мощеных досками, огонь быстро сообщался... Я заметил, что вообще наши офицеры жалели, что армия не остановилась в Смоленске. Тут, по мнению многих, следовало закончить поход. Адъютант генерала Гувииона Сен-Сира рассказывал, что как этот генерал, так и Удино писали императору, что после Полоцка не следует итти дальше; если в итальянском и австрийском походах ему удавалось стремительно нападать на самые важные позиции, не поджидая ни своего продовольствия, ни обозов, даже оставляя в стороне крепости, то эта система неприменима в России“ (*Де-ла-Флиз*, 25 августа).

„К вечеру пробили сбор, и войску прочитано было следующее воззвание: „Солдаты, близко сражение, которого вы так желали. Победа от вас зависит... Она даст вам полное довольство, хорошие зимние квартиры, а потом вы возвратитесь на родину...“ Эта прокламация не произвела

обычного восторга; люди слишком много пострадали нравственно, начиная от Смоленска. Поход, сопровождаемый нескончаемыми пожарами, производил тяжелое впечатление даже на бывалых служак, потому что они еще не видавали со стороны неприятеля такого образа ведения войны“ (*Де-ла-Флиз*, Бородино, 6 сентября).

„Позади Наполеона стояла гвардия и несколько резервных корпусов. Мы были выстроены в боевой порядок, оставаясь в бездействии и выжидая приказаний. Полковые музыки разыгрывали военные марши, напоминавшие победные поля первых походов революции, когда дрались за свободу. Тут же эти звуки не одушевляли воинов, а некоторые старшие офицеры посмеивались, сравнивая обе эпохи“ (*Де-ла-Флиз*, 7 сентября).

„Еще одна ужасная ночь! Проведя предыдущую в грязи, истребив, несмотря на всю нашу бережливость, весь провиант до последней крохи, мы остались без продовольствия: нечего есть, нечего пить. Колоча, куда многие кидались, чтобы избежать резни, запружена трупами; вода окрашена кровью. Нам пришлось расположиться среди мертвецов, стонущих раненых и умирающих. Усталые и изнуренные, мы не можем помочь им“ (*Ложье*, Бородино, 8 сентября).

„Утром мы были изумлены: русская армия исчезла“ (там же).

В записи итальянского лейтенанта, сделанной 9 сентября в Рузе, читаем про поведение армии „завоевателя“: „Помещичий дом, отделанный внутри красиво и со вкусом. Моментально без всякой пользы было все в нем перевернуто вверх дном. Несколько тысяч бутылок, найденных в погребке, послужили для поддержания некоторых,

Других же погубили, так как отставшие попадают в руки спящих вокруг нас казаков“.

Иначе описывает этот беспристрастный свидетель поведение русского народа.

На пути к Москве, в селении Алпалщина, „дома не только пусты, но вся обстановка разломана. Посевы уничтожены; все подверглось систематической порче. Полное разорение, показывающее, до каких крайностей может дойти народ, решившийся сохранить свою независимость и честь“ (Ложье, 11 сентября).

„Итальянский лагерь расположился у ворот пустого, как и другие, города. Дома, избы, деревни — все представляет самый ужасный вид полного запустения“ (Ложье, Звенигород, 12 сентября).

Наполеоновская армия подходила к нашей столице.

„При имени Москвы, передаваемом из уст в уста, все толпой бросаются вперед, карабкаются на холм, откуда мы услышали этот громкий крик. Каждому хочется первому увидеть Москву. Лица осветились радостью. Солдаты преобразились. Мы обнимаемся и поднимаем с благодарностью руки к небу; многие плачут от радости и отовсюду слышишь: „Наконец-то! Наконец-то Москва!“... Наше сердце разрывается от радости по мере приближения; но нас изумляет то, что все окрестные дома покинуты, как и везде, где мы только проходили. Мы всматриваемся в огромный город и не решаемся верить, что он так же пуст, как и его окрестности“ (Ложье, 14 сентября).

„Наконец-то показалась вдали Москва... Как ни радовала нас мысль, что наконец-то пре-

кратятся наши бедствия вступлением в Москву, а какое-то тревожное чувство отравляло эту радость“ (*Де-ла-Флиэ*, стр. 39).

„Страх наш возрастает с каждым шагом; он доходит до высшей точки, когда мы видим вдали, над центром города, густой столб дыма... Все двери и окна закрыты, улицы пусты, везде молчание!— молчание, нагоняющее страх“ (*Ложье*, стр. 163—164).

„В тех частях города, где свирепствовал пожар, можно было вообразить себя в Помпее и Геркулануме. Целые улицы, по обе стороны, представляли развалины выгоревших домов... Магазины, содержащие в себе все богатства Европы и Азии, обратились в груды пепла“ (*Де-ла-Флиэ*, стр. 41).

А те магазины, которые уцелели, подверглись разграблению со стороны всех чинов „великой“ армии.

„Солдаты решаются бросаться в это горнило; они выскакивают оттуда обожженные, но нагруженные драгоценностями. Видя это, другие следуют их примеру; но, менее счастливые, они часто не возвращаются. Улицы около базара загромождены самыми разнообразными товарами, и скоро начинается торговля между офицерами и солдатами... Они слишком много страдали дорогой от голода, и понятно, что теперь они прежде всего стараются запастись съестными припасами на будущее. За припасами следует одежда; наконец, солдаты тащат полные мешки серебра, жемчуга, ювелирных изделий и другой ценной добычи, которую они сейчас же рады спустить, хотя бы за самую ничтожную цену... Солдаты всех европейских наций, маркитантки, чернь, каторжники,

масса проституток бросались взапуски в дома и церкви, уже почти окруженные огнем, и выходили оттуда, нагружившись серебром, узлами, одеждой и пр. Они падали друг на друга, толкались и вырывали друг у друга из рук только что захваченную добычу; и только сильный оставался правым после кровопролитной подчас схватки“ (Ложье, стр. 170 и сл.).

„С балкона царского дворца, возвышающегося над городом, Наполеон сразу мог окинуть взором это море огня, уничтожающего город, на обладании которым основывались все его заветные мечты. Говорят, что всю эту ночь, с 15-го на 16-е, он не переставал давать приказания разным частям своей армии“ (там же, стр. 171).

Де-ла Флиз относится к этой деятельности своего кумира критически.

„О Наполеоне говорили, что он очень занят, что он постоянно работает. Но дело в том, как стало известно, что цель его была — издать как можно более декретов из столицы Русской империи, в доказательство французам, что он и на дальнем рубеже Европы не перестает пещись о своем государстве, как вездесущее провидение. К сожалению, предметы, избранные им для реформ, касались самых ничтожных частей внутренней администрации Франции. Например, он составил правила театрального управления да разных промыслов, как-то: булочного, аптекарского и т. д. Этими мелочами он хотел выказать всеобъемлющий гений свой. Между тем, все это, в сравнении с прежней деятельностью Наполеона, делало его неузнаваемым. Не пустяшными делами внутренней администрации Франции следовало ему заниматься, а вникнуть в свое

положение в России, настолько критическое, что меры выхода из него могли бы занять его мысли...

Ошибки Наполеона в эту кампанию были различные и неисправимые. Он вступил войною в страну, не имея понятия ни о нравах, ни о характере русских... Горе французам, когда он попался в руки народа, жаждавшего мести! Таких жертв было множество... Положение нашей армии, маневрировавшей около Москвы, было довольно выгодное, покуда... Кутузов... стал возбуждать народонаселение против французов, не допускал подвозить в Москву припасов и принуждал наши корпуса сдвигаться к городу" (*Де-ла-Флиз*, стр. 45 и сл.).

Приведя в своем дневнике один из нелепых приказов кичливого и самовлюбленного завоевателя Западной Европы, Де-ла-Флиз пишет под 23 октября: „Читая этот приказ, можно подумать, что он отдан в Италии или Австрии, странах, где армия постоянно проходила через местечки, села и города, где можно было получить всякое продовольствие. Везде армии очищали место. Но какая же разница в России! Разве Наполеон не знал, что, по выходе из Москвы, мы вступим в пустыню, которую уже раз проходили; что бежавшие отовсюду жители теперь готовы были ринуться на нас всею массою или убивать отдельных солдат, которые отважились бы идти в соседние деревни на фуражировку? Как император, обыкновенно столь предусмотрительный, не размышлял, что, за неимением ежедневного продовольствия, армия подвергалась внутреннему разложению, нарушению дисциплины и затем страшной неурядице?.. Во время этого похода

Наполеон часто сравнивал его с походом в Египет. Но едва ли пески знойных степей были более утомительны, нежели те пустыни, через которые предстояло армии пройти, или та узкая выжженная дорога по неприятельской земле, с которой уже нельзя было никуда свернуть по всей ее бесконечной длине“ (там же, стр. 48).

„Самое необычайное зрелище представляет победоносная армия, расположившаяся лагерем вокруг пылающего города и теряющая зараз и плоды своей победы и средства к восстановлению своих физических сил“ (Ложье, Бивак у Петровского дворца близ Москвы, 20—23 сентября).

„Я выехал из Москвы 24 октября 1812 г. в полночь, в сопровождении солдата, который, впрочем, за темнотою вскоре потерял меня из виду и отстал. Я ехал по Можайской дороге и повстречался тут с обозом, который с трудом продвигался. Небо было покрыто тучами, и шел мелкий дождь, еще более затруднявший шествие. После привычки итти постоянно вперед люди скучали и досадовали на этот обратный поход по той же дороге, по которой наши еще недавно шли победителями... 25 октября с рассветом я поехал дальше и нагнал армию. Сделали привал в безлюдной и выжженной деревне...“ (Де-ла-Флиз, октябрь, стр. 49).

„Мир — наше самое заветное желание“ (Ложье, стр. 199).

„Вчера Наполеон снова отправил к Кутузову своего адъютанта“ (там же, стр. 203).

„Очевидно, прощай последние надежды на мир! Мы все еще будем игрушкой в руках Кутузова, и вот теперь наступает зима, а мы на русской

почве, где повсюду царствует одно лишь опустошение“ (там же, стр. 204).

„Встречи с русской армией доказывали, что неприятель далеко не обессилен и не утратил мужества“ (*Де-ла-Флиз*, Можайск, 27 октября).

„Сегодня солдаты резали многих палых лошадей и из мяса наварили суп“ (там же).

„Военные, прибывшие из Москвы, рассказывали, что на обогнавшие нас корпуса часто с фланга нападали русские партии. Но мы, к счастью, не встречали их... Все бедствия обрушились на армию и росли с каждым часом. Прошли четыреста верст без хлеба и фуража, и каждую ночь дохли лошади на биваках. Отдельные колонны часто подвергались нападениям казаков, тревоживших их и днем и ночью“ (*Де-ла-Флиз*, 9 ноября, стр. 64).

„Смелость казацких отрядов невероятна. Они устроили засаду в лесах, недалеко от места, где мы провели ночь, и поджидают, когда уйдут последние солдаты, чтобы напасть на изолированные группы, на отставших или на повозки, которые не могли идти непосредственно за войсками“ (*Ложье*, стр. 207).

„Четыре отряда русских стрелков неожиданно выступили из лесов, покрывавших здешние возвышенности, заставили часовых спешно отойти к передовым постам, посты—к стоявшим впереди батальонам, а эти последние, пораженные неожиданным нападением, должны были после слабой обороны покинуть деревню, чтобы соединиться с остальной частью дивизии, находившейся на равнине“ (там же, стр. 209).

„Будущее мрачно. Мы уже неспособны принять сражение,—говорил *Де-ла-Флизу* командир одного

крупного соединения.—Русские идут по пятам нашим, и все потеряно...

Наполеон воображал, что покончит с этой войною так же скоро, как с прусскою, и не понимал, что русские, отступив за Москву, тем далеко не будут обессилены, а напротив, когда Наполеон кончит поход, они начнут свой, и надежды Наполеона—мирными переговорами загладить неосторожное движение в центр России—не сбудутся“ (*Де-ла-Флиз*, стр. 67 и сл.).

„Страшно подумать об участи армии“,—говорил *Де-ла-Флизу* тот же командир.

Ложье говорит о том же: „Слева русская армия; справа многочисленные сотни казаков; всюду вооруженные крестьяне местных деревень. Конечно, отряды регулярных войск легко бы справились с этими последними, но быстрота движения, опасность отделить еще людей от и без того уже слишком уменьшившихся корпусов, невозможность остановиться, страх быть обойденными русскими заставляют армию довольствоваться тем, что она находит на дороге. Увы, на их долю приходится только мясо лошадей, павших от голода, усталости и истощения.

Кто не желает довольствоваться этой пищей, те уходят от войск в глубь страны и редко возвращаются“ (*Ложье*, стр. 237 и сл.).

Изображая в своем дневнике отступление Наполеона из Москвы, *Де-ла-Флиз*, попавший уже к тому времени в плен, пишет: „Люди равнялись зверям, готовым растерзать друг друга, чтоб утолить свой голод. Едва ли как в древних, так и в новейших войнах встречались ужасы, подобные тем, которыми отмечено наше отступление из Москвы“ (стр. 72).

„Пришли к деревне, и глазам нашим представилось жалостное зрелище: толпы пленных французских солдат, которых окружали до тридцати казаков (ополченцев), занимаясь перечислением их. Пленных было с лишком триста человек всяких полков и всякого оружия. Все это было измучено, истощено; многие едва держались на ногах, другие опирались на костыли“ (там же, стр. 80).

„Отправились в дорогу довольно рано. В этот день ожидало нас печальное зрелище: большое число трупов наших товарищей валялось на дороге, из чего мы заключили, что перед нами следовали еще колонны пленных. На каждой версте лежало или по одному или по несколько трупов. Одни были обнажены, другие покрыты лохмотьями мундиров. Около этих трупов возились собаки, и когда мы проходили мимо, они бросались на нас с лаем, как бы грозя истерзать нас, если мы тронем их добычу. Мы насчитали до пятидесяти тел по этой дороге“ (там же, стр. 87).

„Офицеры и солдаты идут вперемежку, одетые самым странным и необычайным образом, вступают друг с другом в драку и едят посреди дороги!

Увы! наши физиономии, похудевшие и почерневшие от дыма, наши разорванные одежды, изношенные и грязные, плохо соответствовали тому воинственному и величественному виду, который мы являли собой три месяца назад, проходя через этот самый город“ (Ложье, ноябрь, стр. 277).

„На каждом шагу многочисленные трупы; возчики пользуются ими, чтобы завалить рвы, колеи, чтобы выровнять дорогу. Сначала нас от этого бросало в озноб, затем мы привыкли“ (стр. 284).

„Вместо грозных завоевателей люди видят

проходящие мимо них, один за другим, какие-то призраки, одетые в лохмотья, в женские салопы, закутанные в оборванные плащи или в куски оборванных ковров, с ногами, обернутыми тряпками. Идет только тень великой армии“ (стр. 317).

Воины „победителя“ народов, переходя встречавшиеся на их пути реки, убивали друг друга, сталкивали слабых в воду. „Одни,—пишет Ложье,—надеясь на свои силы и думая только о себе, с яростью, с оружием в руках пробивали себе проход... Издали казалось, будто на мосту было громадное поле ржи во время бури. Беда тому, кто ближе стоял к краю. Сильные толчки сталкивали их вниз, и несчастные падали стремглав, хватаясь руками за перекладины, за острые края льда и за обледенелые берега, но толпа оттискивала их, и они летели прямо в реку, погружались, вновь выплывали и, бледные, как привидения, исчезали навеки. Экипажи, воза и фуры стараясь освободиться друг от друга, опрокидывались на несчастных, находящихся вблизи. Вопли бегущих, стоны раненых, задавленных и умирающих, голоса солдат, крики потерявших свои отряды, куча всякой одежды, всякого оружия повсюду валяющиеся мертвые, гул толпы, грохот возов и всеобщее иступление“ (Ложье, стр. 331—332).

„Я видел, как солдаты императорской гвардии подбежали к упавшему с лошади интенданту Жуберу и, думая, что он умер, бросились к нему и хотели его обокрасть, и я слышал, как тот слабым голосом просил: „Дайте мне сначала умереть, а потом уж раздевайте меня“ (Ложье, декабрь, стр. 347).

Когда жалкие остатки „великой“ армии поползли

до Западной Европы, местные жители смотрели на них с презрением. Оно проявлялось тем резче, чем больше боялись эти люди наглого завоевателя, заставлявшего их сыновей и братьев идти в Россию для удовлетворения его властолюбия.

Попав в плен, Де-ла-Флиз женился на племяннице богатого помещика и остался в России навсегда. Но бывший врач Наполеоновской гвардии продолжал следить по газетам за судьбой своего бывшего императора. Победоносная русская армия, изгнав врага из родной страны, пошла в Европу — освобождать угнетенные народы других стран. „Вся Германия восстала... народ сильно возбужден в Голландии, Швеции, Тироле, Италии, и Велингтон (английский главнокомандующий) берет верх в южной Франции. Из всех этих сообщений надобно было заключить, что в будущем предстоят большие несчастья. Эта мысль не давала мне покоя, несмотря на безмятежную деревенскую жизнь“ (глава 8, стр. 131).

Известно, чем кончился поход „великой“ армии на Россию: Наполеон унизил и разорил Францию и сам лишился власти, окончив свою мятежную жизнь пленником на пустынном острове св. Елены.

ВОЛОГОДСКАЯ
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
Обл. Библиотека